

Лев Додин: «Человеку с человеком трудно, ему и с собой нелегко»

Малый драматический театр из Петербурга приехал на гастроли в Москву после десятилетнего перерыва. На старой сцене Таганки актеры театра играют "Бесов" и "Вишневый сад", "Гаудеамус" и "Клаустрофобию". Открылись гастроли спектаклем "Братья и сестры" по Федору Абрамову, объехавшим с огромным успехом полмира.

- Лев Абрамович, вас упрекают в том, что театр большую часть времени работает за рубежом.

- Питер Брук работает в Париже, потом показывает спектакль всему миру, и никто его не обвиняет в том, что он работает на экспорт. Весь вопрос в том, нужен ты миру или не нужен. Может быть, ты нужен городу, что тоже хорошо, или району - тоже неплохо. А бывает, и своей семье не обязателен. Да, у нас есть ощущение, что мы нужны. Это нас стимулирует.

Собственно, сгустки боли и отчаяния, которые мы выбираем на сцену, - это и есть наша попытка что-то предотвратить, хотя я слабо верю, что театр возьмет и что-то изменит. Но это наш способ сопровитвенности, наш способ надежды.

- Почему вас смотрят на Западе? Ведь ситуаций безысходных и трагических во Франции или Америке гораздо меньше, чем у нас?

- На самом деле все болезни общие, только мера их застарелости, острота проявления разные. Наш актер Олег Дмитриев рассказывал, что во Франции после "Клаустрофобии" к нему пришла семейная пара и спросила, откуда он знает, каковы французские мужья. У нас говорят, что мы наш народ очерняем, а французы считают, что это про них. На самом деле это про всех. Все живут тяжело и трудно.

Человек унижен везде, ему и на Западе не хватает свободы. Человеку с человеком трудно, ему и с собой нелегко. От того и всполохи агрессивности, которые лишь цивилизация удерживает, но это такой хрупкий слой. Поэтому так важны любые проявления цивилизации, а театр все-таки примета цивилизации, даже плохой театр, в отличие от армии.

- Даже если театр постоянно напоминает, как человек унижен и оскорблен? А вас последний раз давно унижали?

- Ну это, как правило, дома происходит. Войдешь в любой российский туалет, и все - ты уже не человек. В театральной академии в Питере, которую я очень люблю, где работает много талантливых людей, такие отвратительные туалеты, что все, кто туда ходит - и студенты, и профессора, - все унижены и оскорблены.

И это не мелочь, это один из способов сказать человеку, что он ничтожество. Не обязательно для этого бить в морду и хамить.

Мы недавно улетали из "Шереметьева", самолет задерживался, актеры стояли в очереди то в одном месте, то в другом, сначала еще были стулья, вскоре они исчезли, вслед за ними исчез и сопровождающий, потом мы попали в накопитель (гулаговское слово, я думаю). Через два часа я понял, что из этого накопителя тебя могут спокойно перевести в другую и ты уже ничего не скажешь, потому что, если ты стоишь в этом накопителе и молчишь, ты уже зек.

- Об этом и ваша "Клаустрофобия", за которую вы получили и награды, и шишки. Но вы не успокоились. Как в омут с головой - взяли и поставили

"Электру" у Клаудио Аббадо. Как вы решились начать режиссерские опыты в Европе с оперы?

- Опера - совсем другое, ты никому не изменяешь. Потом действительно интересно, музыка все фантастически усиливает. И в опере поет только тот, кто может петь, а в драме часто играет тот, кто может не играть.

Несколько раз возникали идеи, связанные с оперой, но все как-то не складывалось. А тут сошлось. И гениальная музыка Рихарда Штрауса, и пьеса Гофманстала - современная, простая, жесткая, не оперная. И Аббадо, которым я восхищаюсь как дирижером. Хотя месяца

два я тянул, боялся. Но Клаудио был настойчив, каждый день звонил, и я решился.

- А вообще какие у вас отношения с музыкой?

- В детстве хотел учиться на аккордеоне, но он был объявлен космополитическим инструментом. Пытался играть на баяне - безуспешно. Никакой музыкальной одаренности у меня не обнаружилось, но жизнь была музыкальна: что-то все время по радио звучало, в нашей коммунальной квартире на шестьдесят человек мы пели еврейские, русские, советские песни. Джаз в юности очень любил. Потом поездки по России - и там музыка.

- Еще в качестве геолога?

- Да, вот уж где школа жизни.

- Слышала, вы любите в пустоте сидеть?

- Очень. Не потому, что все надоедают, а потому, что нужно когда-то побыть одному. Сидишь, думаешь о чем-то нетеатральном. Или вообще ни о чем не думаешь...

- Или опять о Чехове. Почему после "Вишневого сада" вы начали репетировать "Пьесу без названия" - его первую пьесу?

- Во-первых, я этой пьесой давно занимаюсь, минимум пару десятков лет. Еще в начале 70-х хотел ее поставить - не дали. А сейчас параллельно с "Гаудеамусом" и "Клаустрофобией" мы со студентами занимались Чеховым. В первой пьесе сконцентрирован весь будущий драматург, причем с такой щедростью, безумием и жесткостью выявлен, просто шекспировская мощь.

Я вообще люблю первые пьесы. В свое время ставил "Свои люди - сочтемся", убежден: это лучшая пьеса Островского по цельности выплеска, свойственной молодости. Потом начинается умудренность, смяг-

чение взглядов, а в 18-20 лет человек выплескивает весь результат предыдущей жизни, это потрясающе сильно, если удается услышать.

- Не слишком ли много ставит Чехова в последнее время?

- Сейчас жизнь... Раньше казалось - какие поэтические глупости, а сегодня? Прежде они воспринимались литературно, мифологически, поэтому и казались лирическими. А тут выясняется: все реально и жестко. "Через двести лет здесь будет другая жизнь..." Раньше казалось - какие поэтические глупости, а сегодня?

Ну конечно, при нашей жизни ничего не будет, но, может быть, через поколение наступит в России нормальная жизнь. Мы каждый день говорим чеховский текст, это почти бытовые слова. И еще многое совпало: слом эпох, конец века, что-то всегда повторяется.

Хорошо, что Чехова много ставят. Хотя удач мало. Бывает, сидишь в зале, сердиться, ругаться, а к концу спектакля что-то накапливается, ты смущенно оглядываешься, глаза вытираешь и начинаешь думать о себе как-то по-другому. Чехов берет свое. И Шекспир берет свое. Я недавно видел Шекспира на Западе, не самый удачный, трудный, громоздкий спектакль, а к концу все равно так страшно, что никуда от этого не деться.

Вообще театр - фантастически человеческое занятие. Жаль, что этого часто не понимают, что артисты не доверяют себе, изменяют, уходят в шоуменские глупости. И хочется иногда сказать: "Любите себя и уважайте, потому что вы заняты очень хорошим делом, что бы вам ни говорили, как бы ни оскорбляли подчас. Даже когда вы терпите неудачу, вы не прибавляете зла. А когда что-то хоть чуть-чуть получается, в мире становится больше любви".

- Почему вы всегда ходите в черном?

- Летом я хожу в белом. А что касается черного, то режиссерская работа тоже довольно черная, в белом костюме ее трудно делать. Надо лезть на сцену, надо лезть под сцену... Ну это так, полшутка. Я привык к черному цвету, так удобнее. И потом - так незаметнее.

Людмила ИВАНОВА,
Санкт-Петербург